

Наш край – Загородье

Историко-краеведческая газета Дрогичинского района

№ 13, март 2011 г.

Партизаны Пинского соединения
переходят вброд реку. 1943 г.

К. А. Рапинчук

Воспоминания Константина Рапинчука,

участника Великой Отечественной войны, уроженца д. Гурка

Жизнь в предвоенное время

Родился я в 1923 г. в д. Гурка Дрогичинского повета Полесского воеводства Польши. В нашей крестьянской семье было 12 детей, из которых 7 умерло в раннем возрасте. При панской Польше была большая безработица. Некоторые жители нашей деревни, а также соседней деревни Воловель, уезжали на заработки в США. Там быстро развивалась промышленность, и была нехватка рабочих рук. Вербовочные пункты находились в больших городах Польши. Дорогу желающим уехать в США работодатели оплачивали. Многие оттуда, к сожалению, так и не вернулись. Заработав деньги, они оставались на чужбине. Те же, кто приехал, старались купить землю и обзавестись хозяйством. Крестьяне в то время вели натуральное хозяйство. В магазинах практически ничего не покупали, так как было мало денег. В ос-

новном процветал обмен товарами.

Мой отец имел один гектар пахотной земли и 3,5 гектара сенокосов. Чтобы обеспечить семью сносное существование, необходимо было трудиться, не покладая рук с утра до вечера.

В Закозеле жил помещик Кароль Толлочки. Этого образованного и интересного человека жители нашей деревни уважали и любили в первую очередь за честность и справедливость. У него был спиртзавод и более 10000 га земли. Многие крестьяне брали землю у помещика в аренду. Так сделал и мой отец. За работу он получал треть урожая, а оставленное отдавал хозяину. Земли в окрестностях Закозеля были плодородные, поэтому урожай был хорошим, и те, кто работал – не голодал. Наша семья держала корову, коня, свиней и овец, но мяса мы практически не ели. Только по праздникам мать

доставала солёное сало и мясо. Остальное время всё это было закрыто в погребе. Отец мечтал приобрести сенокосные угодья и для этого собирал деньги. Свой участок подобрал у Королевского (Днепровско-Бугского) канала в четырёх километрах от нашей деревни. Собрав часть суммы, отдал её помещику Толлочко и начал пользоваться сенокосом. На новом участке пришлось корчевать кустарники и деревья. Отец хотел этот участок привести в порядок и отдать кому-нибудь из сыновей.

При Польше я, как и все деревенские дети, пас коров и овец. Очень хотел быть образованным и грамотным, поэтому в поле всегда с собой брал книгу. Только их у нас было всего две, да и те на польском языке. Первая – «читанка». Во второй книге было два раздела – грамматика и математика. По ней я и учился. Новые учебники отец не мог купить – они стоили приблизительно 4,5 золотых, а за день у пана можно было заработать не более 80 грошей. Получалось, что на книгу необходимо было работать неделю. Я пас коров и одновременно готовился к школе. Наука мне давалась легко, так как память была хорошей. Наша школа находилась в Воловеле, а это – более двух километров от Гурки.

Директором в ней работал поляк Ян Смысловский, который был строгим, но справедливым. Занятия в школе начинались и заканчивались молитвами. В каждом классе нашей школы висели большие портреты маршала Юзефа Пилсудского и пре-

Каплица-усыпальница рода Ожешко

Каплица является одной из достопримечательностей Закозеля. При Польше это сооружение было в хорошем состоянии. Всё изменилось после прихода Советской власти. Ворота открыли, и в каплицу можно было зайти и посмотреть, что там находится. Я тоже там был и смотрел. В подвалах стояли за большими стёклами саркофаги с телами представителей рода Ожешко. Где-то в 1940 г. наш местный хулиган Павел Лапай в поисках золота осквернил

захоронение и выбросил тела из гробов на улицу, а затем в сажалку возле каплицы. С приходом первых Советов наступила новая жизнь без Бога, помещиков и капиталистов. В немилость попали и служители культа. Многих батюшек и ксендзов арестовали и вывезли в Сибирь. Помню, как в металлом сбирали колокола, литые чугунные надгробия панских захоронений. Войну с немцами каплица пережила без особых разрушений. В послевоенные годы решением Пинско-

губернатора Игнация Мастицкого. Польские власти проводили политику полонизации, поэтому в школе все дети должны были разговаривать по-польски. За не послушание строго наказывали. Били тростью по руке или ставили в угол. Невзирая на запрет, детвора разговаривала на нашем местном языке, более похожим на украинский, чем на белорусский. В каждом классе организовывалось питание учеников за счёт государства. Нам давали чай, кофе, колбаски или мясо с хлебом. В школе я впервые это всё попробовал. Дома сахар или сахарин был только по большим праздникам. Пили в основном компот из сухофруктов или овсяный кисель. Иногда отец бросал в кисель купленный где-то изюм. Кондитерские изделия наша семья не покупала – конфеты и печенье стоили очень дорого.

При Польше, прежде чем идти в лес за ягодами или грибами, нужно было взять квитанцию и оплатить посещение леса. Платить нам было нечем, поэтому ходили в лес просто так. Прятались от сторожа, убегали, иногда попадались. Узнав фамилию, они нас отпускали.

Двое моих старших братьев ходили работать на строительство канала. По тем временам им платили очень хорошо – в день зарабатывали по два с половиной золотых (пуд ржи стоил около двух золотых). На заработанные деньги молодёжь покупала дорогие костюмы из фабричной ткани, а также копили деньги на покупку земли. Некоторые смогли даже купить себе велосипед. На

го облисполкома из каплицы должны были сделать музей. Однако решение осталось лишь на бумаге. Помню, что с южной стороны каплицы находилась маленькая капличка. Она была тоже очень красивой, а особенно распятие Иисуса Христа. Там была ещё надпись на польском языке, которая гласила: «Никодиму Ожешко и всем полеглым в лесах». Сразу за каплицей было небольшое католическое кладбище, от которого сейчас ничего не осталось.

В 1939 г. всё резко изменилось. Польша была оккупирована немцами, а наша территория вошла в состав БССР. Мечты о земле остались нереализованными. Помещик Толлочко бежал из Закозеля в Варшаву.

Жители Гурки в сентябре 1939 г. в основном с радостью встречали Красную Армию. Заранее была изготовлена украшенная еловыми ветками брама, на которой написали лозунг «Слава великому Сталину». Её установили при въезде в деревню с той стороны, откуда должна была появиться Красная Армия.

Началась новая жизнь. Всем казалось, что с приходом Советской власти народ заживёт припевающи. Осенью школа в Воловеле стала русскоязычной. Пришло с польского языка переучиваться на русский. В школу к нам ходили и дети осадников. В моём классе было 10 таких детей. На переменах они нас постоянно обзывали «большевиками», а также мешали играть в мяч. Когда терпение кончилось, мы пошли к директору за защитой. Безобразия прекратились, и мы даже после этого подружились с поляками.

Начались сталинские репрессии, под которые попали осадники. Решением правительства их сделали врагами народа и должны были раскулачивать. Хорошо помню, как зимой, в 30-тиградусный мороз, солдаты НКВД на телегах и санях везли на станцию Дрогичин большое количество спецпереселенцев. Потом люди рассказывали, что до места назначения они не доехали. В вагонах без отопления замерзли. В живых остались лишь единицы. После смерти Сталина на Родину некому было уже возвращаться.

В пяти километрах от нашей деревни находится Днепровско-Бугский канал. Строили и рас-

Жизнь при первых Советах

ширяли его и при Польше, но особенно активно велись работы в 1939-1940 гг.

В начале XX в. помещица Бобринская проложила дорогу от Нагорья до Закозеля. При Польше она была хороша – ухоженная, обсаженная деревьями. В д. Селище находился шлюз. Там же в канал впадала речка Петриха, которую расширили вручную. По ней из Закозеля в тёплое время года вывозили на пристань лодками товары и продовольствие для погрузки на баржи.

В конце 1939 г. началась реконструкция Днепровско-Бугского канала. Тысячи людей молодого возраста круглосуточно вели земляные работы, так как канал необходимо было реконструировать в короткие сроки и открыть по нему судоходство к июлю 1940 г. На канале работало несколько плавучих экскаваторов. Вся остальная работа выполнялась вручную. Страйку завершили с опозданием – к началу августа 1940 г. Работы курировал НКВД и поэтому строителей обвинили во вредительстве и саботаже. Многие были осуждены тройками к различным срокам лагерей.

В начале 1940 г. в Гурке был создан первый в Дрогичинском районе колхоз. Помню всё это очень хорошо. Однажды вечером собрали всех в панском доме, а из района приехал Антонович – работник райкома партии. Он больше двух часов выступал перед крестьянами и рассказывал о преимуществах колективного труда.

В тот день практически все жители Гурки, за исключением двух семей, записались в колхоз.

Председателем избрали участника гражданской войны Михаила Углиницу. На этом собрании также было принято решение посевые площади помещика Толлоч-

ко и осадников отдать колхозу. Всё, что находилось в поместье, тоже перешло ему.

Наша семья в полном составе – отец, старший брат, сестра, мать и я вступили в колхоз им. Сталина. В 1940 г. мы выработали 800 трудодней. На первых порах у всех нас был большой энтузиазм – председатель колхоза и районные начальники обещали после уборки урожая рассчитаться с нами произведённой продукцией, но в итоге получили очень мало – немного более тонны зерна и 20 кг яблок.

Работа в колхозе поначалу была интересной. Иногда норму перевыполняли в три раза, особенно на косьбе и уборке ржи. Когда косили мужики постарше, то всегда рядом с ними были подростки, и мы старались не отставать от старших.

При уборке хлеба колхозники телегами возили снопы, берегли каждое зёрнышко, поэтому телегу застилали радном, чтобы ни один колосок не пропал. Поля в 1940 г. были убраны идеально.

Тогда же в Закозель прибыла большая группа – более 100 евреев – из Польши. Это были беженцы, спасавшиеся от немцев. Часто в деревне выступали приезжавшие из Львова городские артисты, которых мы называли «попули», но наши хлопцы и девчата пели намного лучше.

Евреи тоже любили песни, но пели они на своём еврейском языке, а мы его не понимали. Через какое-то время они исчезли: часть их, из-за отсутствия документов, вывезли в Сибирь, а остальные разъехались, кто куда.

Председателем сельского Совета в Воловеле перед войной работал участник гражданской войны Григорий Кучинский. Люди доверяли ему, поэтому и наделили властью.

Фашистская оккупация

Узнав об этом, бывший председатель сельсовета Григорий Кучинский взял пистолет и пошёл к нему, чтобы забрать лошадь. Тот не отдавал, поэтому пришлось Григорию выстрелить. Об этом

случае было доложено немцам, и они стали искать Григория Кучинского. Вечером окружили всех, кто был на танцах в здании пожарки в Гурке, но, проверив присутствующих, Кучинского не нашли, и молодёжь отпустили по домам. Председателю сельсовета тогда удалось сбежать в лес. Некоторое время Кучинский скрывался по хуторам, а потом ушёл в партизаны. В начале войны на оккупированной территории оказалось много отставших от своих частей бойцов и офицеров Красной Армии. Они и стали первыми организаторами партизанского движения в районе. Помню, как Бондаруки с нашей деревни прятали офицера Сергея Логинова, который в последующем стал начальником разведки отряда им. Суворова, но трагически погиб от рук украинских националистов.

К лету 1942 г. немцы ужесточили оккупационный режим и, используя доносительство, начали расстреливать тех, кто был связан с партизанами.

Ещё был один случай. Однажды летом 1942 г. немцы неожиданно нагрянули в Гурку. У них были сведения, что Пётр Угляница ушёл к партизанам. Его они и искали в деревне. Собрали людей, переводчик назвал имя Михаила Угляницы, бывшего председателя колхоза и потребовал, чтобы он вышел из толпы. Но все стояли, и никто не вышел. Затем офицер приказал, чтобы все по фамилии Угляница вышли. Вышло около 15 человек. Сказали, что если придёт Михаил Угляница, то людей они отпустят. Их в качестве заложников увели в Дрогичин.

Среди задержанных оказались те, кто работал на спиртзаводе и в поместье у Толлочко. Там оказался Прокоп Кучинский и мой брат Каленик. Через несколько дней помещик на велосипеде поехал в Дрогичин. Он хорошо знал немецкий язык, поэтому объясняться с немцами для него не составляло большого труда. Вместе с ним из Дрогичина вернулось 8 человек – те, кто у него работал. Но остальных, в том числе и моего знакомого Володю Угляницу,

расстреляли.

Хорошо помню, как в августе 1942 г. расстреляли Петра Кушеля. Он к этому времени был связным у партизан, которые прятались в болоте Званец. Собирал партизанам оружие, боеприпасы и продукты. За них следили. Я ему неоднократно говорил, чтобы он спрятался в лесу, а он отвечал, что его никто не найдёт.

Вместе с тем Пётр чувствовал, что его могут арестовать по доносу соседа Степана Угляницы, который был недоволен тем, что он связался с партизанами. У старшего брата Кушеля жена была польской. Её отец работал в гмине при поляках. Полицаи неоднократно спрашивали у неё, где Пётр, но она ничего не могла ответить. Через несколько дней отец с семьёй вернулся домой, но ненадолго.

Этот день был трагическим для семьи Кротова – бывшего главного бухгалтера спиртзавода. В нашу деревню он приехал в 1939 г. и был «восточником». При немцах работал на мельнице в поместье Толлочко. Кто-то сообщил немцам, что Кротов связан с партизанами и передаёт им муку. Во время облавы его арестовали. Как немцы везли его на подводе в Дрогичин, я видел лично. Из Дрогичина домой он уже не вернулся. Через несколько дней оккупанты приехали за семью Кротова. Я видел, как вели его старшую дочь Клаву, которая была замужем за сыном председателя колхоза Михаила Угляницы, её мать и 7 братьев и сестёр.

Мой друг – 16-летний Толик – шёл со связанными руками. Проходя мимо помещика Толлочко, он слёзно просил его спасти их. Немец, конвоировавший арестованных, по-польски сказал: «Яко яблонь – тако ябко». Одна только Клава, зная, что их всё равно расстреляют, обзвывала карателей фашистами и извергами. В центре деревни, там, где сейчас магазин, их и расстреляли. Не думаю, что после войны они были перезахоронены.

Трагически закончилась жизнь и Кристины Журук – нашей соседки. У неё было двое детей – сын и дочь. По-деревенски называли её «Кобринкой». Перед войной от туберкулёза умер её муж. В 1940 г. она познакомилась с председателем Брашевичского сельпо Саковичем и уехала жить к нему. В 1943 г. её с двумя детьми и семьёй Саковича немцы расстреляли и сожгли в д. Брашевичи.

Они немного поездили по полю, но меня не нашли. Оттуда я переполз в кустарник, где было безопасно. Чудом на этот раз мне удалось избежать смерти. Отец, как потом выяснилось, ещё затемно, загрузив подводу, уехал в сторону д. Селище. Больная мать осталась дома одна. Когда пришли немцы, то обнаружили большую женщину, которая ничего им не могла ответить. Через несколько дней отец с семьёй вернулся домой, но ненадолго.

Партизаны забрали стадо коров, которое в то время находилось в имении, и погнали в сторону канала, а поместье сожгли. Вывезли тогда ещё приблизительно 200 подвод зерна в снопах. Узнав о партизанских действиях, в Закозель из Дрогичина на помощь гарнизону выехала немецкая колонна, но они доехали лишь до Вульки Радовецкой и оттуда стреляли, но причинить серьёзного вреда не смогли. В этот день практически никто не пострадал, полицаи лишь случайно ранили местного жителя по фамилии Головко из д. Великий Лес. Это была удачная операция, которая обеспечила партизан хлебом на всю зиму 1943-44 гг.

После разгрома имения тем, кто работал в нём, пришли повестки явиться на сборный пункт для отправки в Германию. Эти повестки получили и мы с братом Николаем. Было понятно, что немцы село в покое не оставят. Отец запряг лошадь, загрузил всё необходимое на подводу, и наша семья в полном составе двинулась в партизанскую зону за Днепровско-Бугский канал.

Старшего брата сразу же приняли в партизанский отряд им. Шиша. Ему выдали оружие и боеприпасы. Меня же определили в хозяйственный взвод, но оружия не выдали. Наша семья некоторое время жила у местного жителя на квартире. Осенью 1943 г. партизаны, предчувствуя бои, начали строить линию обороны по каналу. Периодически отправляли по деревням в разведку. Часто велись перестрелки с мадьярами, которые строили переправу. В открытые бои никто не вступал. Враждующие стороны разделяли лишь обмелевший канал. Помню, как к нам под д. Сварынь из Польши вышел целый еврейский партизанский отряд. Им руководил Немзель, с которым я пол-

Разгром закозельского «посторунка»

Партизаны нагрянули внезапно и днём. Однако полиция и немцы чувствовали приближение расплаты и создали вокруг кирпичной конюшни укрепление. Они засели в каменном здании, и поэтому их выбить оттуда было почти невозможно.

Партизаны забрали стадо коров, которое в то время находилось в имении, и погнали в сторону канала, а поместье сожгли. Вывезли тогда ещё приблизительно 200 подвод зерна в снопах. Узнав о партизанских действиях, в Закозель из Дрогичина на помощь гарнизону выехала немецкая колонна, но они доехали лишь до Вульки Радовецкой и оттуда стреляли, но причинить серьёзного вреда не смогли. В этот день практически никто не пострадал, полицаи лишь случайно ранили местного жителя по фамилии Головко из д. Великий Лес. Это была удачная операция, которая обеспечила партизан хлебом на всю зиму 1943-44 гг.

Немцы у канала сконцентрировали большое количество сил с целью выдавать партизан за Припять и занять оборону по её северному берегу. Их разведка считала, что наступление Красной Армии летом начнётся с юга на Беларусь.

В середине марта 1944 г. меня и ещё нескольких партизан отправили в разведку в направлении Дрогичина. Наша группа тогда обнаружила большое скопление сил врага в деревнях вдоль канала. О том, что увидели, мы доложили командиру роты.

Сразу же поступила команда занять оборону в районе между деревнями Великий Лес и Хидры по Зубровскому каналу.

Мы начали готовить опорные пункты. Вязали срубленную лозу, рубили деревья, ветки, чтобы хоть как-то можно было укрыться от пуль. Наконец, всё было подготовлено. Мы затаились в ожидании боя. Командир приказал стрелять только по его команде. Вскоре на опушке леса показались немцы. Начался бой, который продолжался целый день. Немцы были обстрелянными и на рожон не лезли.

Через некоторое время они начали обходить нашу оборону с запада в направлении д. Великий Лес. Они пытались нас окружить. Хорошо хоть, что к нам на помощь прибыл взвод партизан

со станковым пулемётом. И на этот раз благодаря тому, что пулемётчик Василий Бондарук вёл прицельный огонь, нам удалось отбить атаку наступавшего врага.

В этом бою получил ранение наш командир взвода и пулей в лоб был убит один из боец по фамилии Дудко из д. Заречка. Бой затянулся лишь с наступлением темноты. Утром следовало ждать новую атаку. Ночью немцы обошли наши позиции с двух сторон, и мы могли оказаться в окружении, поэтому заместитель командира отряда им. Шиша Иванов, учитывая сложившуюся обстановку, отдал приказ отходить в восточном направлении к Сварыни. С рассветом колонна двинулась вперёд. Шли по тонкому льду, проваливаясь в болото под градом немецких пуль. Были ранены наши две санитарки: одна в ногу, а вторая – в голову.

Когда шли по болоту, то пули подымали фонтанчики воды, которая брызгала в лицо. Я в то время был обут в лапти. Очень замёрзли мокрые ноги, но хорошо грел отцовский кожух. Вскоре наша рота вошла в Сварынь. Быстро стемнело. Зажгли костры и стали ждать рассвета. С рассветом в небе появилась немецкая «рама» – так называли двухкилевой самолёт-разведчик. Партизаны его обстреляли. Срочно нужно было уходить, так как самолёт начал пулемётный обстрел деревни.

Это были последние дни марта 1944 г. В Сварынь наш отряд получил новый приказ выстроиться в походный порядок и двигаться в направлении Украины. Через несколько часов дошли до озера Плотыче. Со всех сторон доносились выстрелы и артиллерийская канонада. По данным разведки за нами по пятам двигались немцы. Для уточнения обстановки меня и ещё нескольких партизан отправили в разведку. Командиром группы назначили Григория Авдеюка. Он был смелым и отважным партизаном. В бою не прятался от пуль.

Недалеко от Жировского канала наткнулись на немцев. Начался бой. Григорий дал команду отходить, а сам остался с авто-

матом прикрывать наш отход. Он отстреливался до последнего. Немцы его ранили и хотели взять живым, но он подорвал себя и фашистов гранатой.

В это время командир отряда Николай Попов дал команду занять оборону и остановить продвижение немцев, но боя не было, потому что немцы затаились. Через некоторое время заместитель ко-мандира отряда Иванов отдал

приказ двигаться в направлении д. Невир и переправляться через Припять.

Снова мы двинулись в путь. Припять разлилась на несколько километров. Переправой служили поставленные в воду подводы, по которым мы шли. Немецкая авиация и артиллерия вели бомбёжку и обстрел. Внезапно начался густой снегопад, который и спас нашу переправу через При-

пять.

В бою смертью храбрых погиб командир роты Иван Лучко и партизаны: Иван Павлович Бондарук, Иван Колянчик, Сергей Макарович Сливко, Константин Углынича, братья Кучинские. Других погибших, к сожалению, я уже не помню, ведь прошло столько лет.

В Красной Армии на фронте

После расформирования в начале мая 1944 г. партизанского отряда им. Шиша, часть партизан направили в Красную Армию. В эту категорию попал и я. Нас разместили за местечком Любешов в д. Железница. Пробыли мы в этой деревне около трёх недель.

В основном мы занимались заготовкой продуктов. Снабжения не было. Ходили по деревням и просили еду. Если могли местные жители, то давали. Так самовольно мы ничего не брали. В украинских деревнях хозяйствами бандеровцы. Они были против того, чтобы красноармейцы у населения брали продукты. В нашей группе заготовителей было семь человек. Мы днём ходили по деревням и собирали еду. Бандиты это всё знали и за нами следили.

Нашим командиром отделения был Андрей Углынича. У него была карта, и он по ней определял, куда нужно ехать. Однажды он высмотрел хутор, и мы поехали туда на подводе. Подъезжая к хутору, вперёд выслали разведку из двух человек. Они-то и обнаружили засаду на хуторе, к которому мы направлялись. Всё-таки бандиты нас заметили и обстреляли. К счастью, нам благополучно удалось вернуться к своим.

В конце мая 1944 г. группа бывших партизан нашего отряда в 110 человек призывающего возраста в д. Кухоцкая Воля приняла Присягу. Партизанка для меня и моих друзей по отряду закончилась. После присяги нас построили в колонну и повели в г. Дубровица Ровенской области. Там находился учеб-

ный резервный полк 61-й армии. Приходилось по пути просить продукты у местных жителей, которые были сильно запуганы бандеровцами. Когда заходили в хату, то они разрешали брать всё и говорили: «Если бандиты узнают, что помогают красноармейцам, то расстреляют семью, а хату сожгут». Было очень тяжело и обидно. В основном мы брали еду сами. Местные жители хорошо понимали, что будет с теми, кто поддерживает Красную Армию. У них тогда шла мобилизация в УПА.

Нам офицеры рассказывали, что в районе г. Сарны Красная Армия окружила большое соединение бандеровцев – более 100 тысяч человек. Какую-то часть их уничтожили, а сдавшихся в плен вывезли в Сибирь.

Дубровица

В нашей группе было много евреев. Среди них оказался и мой знакомый по отряду Немзель. С ним и тогда я был в одном отделении. Евреев в нашем учебном взводе было трое. Вскоре пришло распределение по специальностям. Меня вместе с Немзелем и ещё 7 человек отправили учиться на командиров орудия. Занятия начались сразу же. Жили в землянках, где не было простынь, подушек, одеял. Спали на нарах, покрытых ветками. Оружие тоже

не выдавали, и мы учились без него. Полк считался запасным. Питание было просто ужасным. Мы, молодые парни, были полу-голодными, а нам было по 18-20 лет. Суп – одна вода. В меню входило 30 г сахара, хлеба выдавали 600 г на день, но он был некачественный, есть его было невозможно. После кухни аппетит только разгорался.

В запасном полку пробыли мы

несколько недель. Вскоре появился офицер-«покупатель». Это был капитан из 212-й дивизии, ба-

На фронте

Так я попал в 1323-й стрелковый полк 212-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта. Пошли

ли пешком в направлении Столина. По дорогам двигались войска и техника. Готовилось крупное наступление Красной Армии. На

и приспособил кусок электрического провода. Выдали нам по несколько десятков патронов, которые мы положили в карманы. Гранаты тоже засунули туда же, что было очень опасно – они по инструкции должны были лежать в подсумке.

К этому времени наши части уже выбили немцев из Столина. Вскоре и мы туда вошли. Несколько дней наш батальон находился в Столине. В это время передовые части двигались к Пинску. Вскоре для нас провели инструктаж. Майор рассказал, как должны вести бой солдаты в городе. Меня охватил страх.

В Столине я чуть не подорвался на мине-растяжке, оставленной немцами. Это было возле церкви. И тогда я чудом остался жив. Ещё шаг и зацепил бы проволоку. Вечером 12 июля 1944 г. мы построились в колонну и двинулись к д. Вишевичи в направлении Пинска. Вскоре под обстрелом врага подошли к переправе через реку Пину. Переоделись на другой берег. Вокруг слышны были раскаты артиллерии. В Пинске велась стрельба. Город горел. Наша колонна вошла в город. Видно было, как группы немцев, сдавшихся в плен, шли в тыл под охраной наших солдат. На набережной города ещё шёл бой. Немцы били из пушек по бронекатерам Днепровской флотилии. К вечеру убитых наших солдат и офицеров свозили на кладбище, где и хоронили. Во время захоронения наше подразделение давало салют.

Мой батальон был тогда во втором эшелоне, поэтому в боях за Пинск не участвовал. Армия наступала на Брест. Наши бойцы в поисках еды разбрелись по садам и огородам. Ели овощи и фрукты. Вскоре тыловики привезли продукты, и, перекусив, мы двинулись на запад. Двигались вдоль железной дороги Молодово – Огово – Янов-Полесский. Дрогичин прошли 17 июля 1944 г.

За Дрогичин боёв не было. Наши части преследовали отступающих немцев. Дрогичин был частично сожжён и разрушен. Проходя через д. Литовск, одна женщина дала мне хлеб и молоко. Жаль, что не запомнил её фа-

Я помогал ему нести станок пулемёта. Вскоре остановились на ночлег. Стали с Мартыновичем чистить пулемёт.

Среди ночи пришёл офицер и взял нас с собой в разведку. Мы пошли в сторону немецких позиций. Было темно, и немцы пускали осветительные ракеты. Мы перелезли через заграждение и залегли. Я видел впереди немецкие окопы и бункер. Немцы из него выходили и заходили. Тут они заметили нас и открыли пулемётный огонь. Мы побежали обратно к своим. По дороге меня ранило в обе ноги.

Очнулся утром, а ноги не двигались. Страшная боль была по всему телу. Я потерял много крови и думал лишь о том, чтобы меня нашли санитары и успели дотащить до санитарной роты. Вскоре санитары наткнулись на стонущего меня. Положили на носилки. Я продолжал стонаст.

Вначале я стал рыть окоп возле станкового пулемёта. В преддверии боя у меня внутри всё дрожало. Видимо, было какое-то предчувствие, и я бросил это место и перешёл метров на 100 в сторону, где и начал оборудовать свою новую позицию. После того, как окоп был готов, ко мне подошёл еврей из наших партизан и предложил обменяться адресами на всякий случай, а оставшемуся где-то справа пытались смыть наши позиции, но отошли. Вскоре начался миномётный обстрел. Через некоторое время всё стихло. Меня снова положили на носилки и понесли. Это была уже середина дня. Жара и пыль с дымом. Я еле соображал. Через некоторое время меня положили на подводу и повезли в санбат. Помню, что везли через деревню, и нас угостили женщины хлебом и молоком.

По прибытии в санбат с меня сняли всю одежду и начали готовить к операции. Я был молодым, но сразу же после введения наркоза отключился. Не помню, через какое время очнулся на раскладушке. Нога сильно распухла. Раненых погрузили на машину и повезли в тыл в направлении Кобриня и проехали через город без остановки. Выгрузились в Пинске в армейском эвакогоспитале, где были хорошие хирурги.

Более трёх недель провёл я в госпитале. Измучился и ослаб так, что даже самостоятельно на кровати не мог сидеть. Потихоньку

санитары помогали. Пришлось по-новому учиться ходить с помощью санитаров.

Восвобождённом от оккупантов Дрогичине потихоньку налаживалась мирная жизнь. По приезду домой зашёл в райисполком, где меня встретил бывший заместитель командира отряда им. Шиша Иванов. Предложил работу в налоговой инспекции. Я согласился, но долго там не работал, а ушёл в отдел гособеспечения, которым руководил Адам Хромецкий. У меня было нормальное образование, и поэтому меня назначили инспектором отдела соцобеспечения. У них из-за неграмотности кадров был завал в работе. Мне пришлось всё разгребать и наводить порядок. Многим не по инструкции ошибочно были назначены социальные пособия и пенсии, в том числе и моему отцу. Пришлось всё отменить.

Вскоре в соцсобесе я заработал большой авторитет. Так как я был ценным специалистом, то уже в 1946 г. меня вызвал председатель райисполкома Подкорытов на собеседование и сказал: «Надо тебе, Константин, расти. Вступай в партию, и мы назначим тебя на руководящую должность». Я согласился и заполнил анкету. Рекомендации в партию дали Янушевский и Иванов, а также комсомольская организация.

В то время была создана Дрогичинская промартель. Меня избрали её председателем. В неё входили кожушный цех, шапочный цех, парикмахерская, пошивочная и фотография. После войны промышленности в Дрогичине никакой не было. Нужно было людей обеспечивать работой. Какое-то время артель занимала ведущее место по производственным показателям.

Через три месяца стал на кости. Нужно было лечиться, и о фронте и речи не могло быть. Так

и выписали по инвалидности, направив в Дрогичин.

В Дрогичине после госпиталя

Вскоре начали организовываться колхозы. Работы хватало. Но к 1950 г. артель стала убыточной. Были допущены ошибки, связанные с присоединением к артели убыточных субъектов хозяйствования. Не нужно было укрупнять артель и включать в её состав Гошевский кирпичный завод. Я был против этого, и новым председателем стал Мартынович, а я остался техническим руководителем.

Вскоре меня направили в д. Попина председателем сельпо. Пришлось и там наводить порядок, так как до меня в сельпо и магазинах работали малограмотные люди. Порядок я навёл, лишь подбрав нормальные кадры.

В 1951 г. меня назначили завторгом райпотребсоюза. К этому времени у меня уже была семья.

Через 59 лет проявилось последствие ранения, полученного под Брестом. В ноге осталась пуля, которую в госпитале не заметили. Спустя много лет она начала разлагаться, что привело к заражению крови. Меня положили в районную больницу. Дрогичинский хирург Скорб провёл операцию и извлёк «сувенир» из далёкого прошлого, который спустя столько лет мог меня отправить на тот свет.

Мой отец Андрей Рапинчук был участником Первой мировой войны. После ранения некоторое время работал в Москве на канатной фабрике. В 1920 г. вернулся на Родину. Мать умерла от туберкулёза в 1942 г. Старший брат Николай – партизан отряда им. Шиша. Сестра – Анна Деренчук – работала поваром в партизанах. Младший брат Виктор, 1931 года рождения, тоже был с нами

в партизанах и сейчас проживает в д. Закозель.

Я являюсь ветераном потребкооперации, в которой проработал 37 лет. Много раз избирался председателем профкома и товарищеского суда. Одновременно с основной работой был на общественных началах директором торговой школы и преподавал оргтехнику. Имею орден «Отечественная война» 2-й степени, медаль «Партизану Отечественной войны» 2-й степени и медаль «За доблестный труд» и ещё более 15 наград.

Вот такая моя история, которую я изложил в воспоминаниях.

Семья Рапинчук. 1949 г.

Виктор Рапинчук. 1952 г.

Редакция:

Сергей Граник – главный редактор,
директор Военно-исторического музея г. Дрогичина;
Сергей Волосюк – заместитель главного редактора,
преподаватель истории гимназии г. Дрогичина;
Евгений Квачук – учитель истории Перковичской ОСШ;
Светлана Кинчак – директор Липниковской ОСШ, историк-краевед;
Алеся Стасюк – методист отдела культуры Дрогичинского райисполкома;
Владимир Зенько – консультант, оригинал-макет и вёрстка,
директор ОДО «ИРА «Паляшук» (г. Минск).

Издатель:

Военно-исторический музей г. Дрогичина
Адрес редакции: 225612, Брестская область,
г. Дрогичин, ул. Ленина, 163.
Тел. 8-01644-3-14-22;
e-mail: nash_kraj@mail.ru
Газета издаётся на русском
и белорусском языках.
Тираж 199 экземпляров.